

АНЕКДОТЫ, ПАМЯТИ

Испанский

**Александр
ФЛИТ**

Шранцель

О Г И З

Госу *пленное Издательство*
Худо: *твенной Литературы*

Ленинград • 1943

*Боевому органу Ленинградского фронта —
газете «На страже Родины»*

Зато твое я будущее знаю:
Тебе недолго чепуху толочь!»
Он оказался прав:
То ль от тоски,
То ль от Гестаповской руки,
То ль от плохого чаю
Старушка вещая. . . скончалась в ту же ночь. . .

★ ★ ★

А наше мнение,
Что у старухи было неплохое зрение. . .

ЭРЗАЦ И КВАТЦ

Жил в Берлине Эрих Кватц,
За эрзацем жрал эрзац.
Заболел — и сгоряча
Пригласил эрзац-врача.
Врач взглянул и тут же сдуру
Прописал эрзац-микстуру.
От микстуры ль, от эрзаца —
Смерть в тот день прибрала Кватца.
Натурально помер Кватц.
Это был уж не эрзац.

★ ★ ★

Смысл истории всем ясен:
Иная была занятней басен.

ФЮРЕР И СОЛНЦЕ

Однажды фюрер, сидя в ставке,
Случайно поглядев в окно,
Пролаял голосом охрипшей шавки:
«Держи злодея! Вот оно,

Светило гнусное, что мне грозит весной
Мои резервы растопить
И наступленье погубить!»
— Молчи, балбес, —

В ответ с небес
Откликнулось светило, —
Меня нахальство не смутило,
Не я лучом тебя сгублю,
Не я резервы растоплю,
Мне лишь отрадно будет поглядеть,
Когда орудия начнут твои резервы греть.
Как от Азовских волн до волн
Балтийских.

В сиянии лучей артиллерийских
На огненном ветру
Кровавым потом, фюрер, изойдешь.
Меня, весну и лето проклянешь,
Зимой валил все на мороз,
А летом свалишь на жару...
Но помни: я — лишь скромное светило,
Не солнце, армия резервы растопила...
«Сгинь!» — фюрер волком взвыл

Но только въехал гость незванный
Барон фон-Клук
(Пять чемоданов и сундук),
Пришли с поклоном партизаны, —
Вмиг охватило дом огнем,
Взметнулось зарево по склонам,
И дом сгорел с супругой и с бароном
С крестом железным на груди. . .

* * *

Незванным в гости не ходи.

ШТЫК В БРЮХО

Советский штык,
Завидев фрица брюхо,
Мгновенно немца проколол
насквозь.
Штык с брюхом жить не могут
врозь:
На то и штык советский,
Чтоб с брюхом
встретиться немецким
И чтоб оно наверняка
Не удизнуло от штыка.

БЕРЛИНСКИЙ ЧУДАК

Один чуда
в Берлине
Воскликнул с горечью со сна:
«Когда же кончится война? . . .»
Посажен был, сидит и ныне,

* * *

А вывод где? И вывод есть:
Легко в Берлине можно сесть.

ДЕВЯТЬ ФАШИСТОВ И ОДНА КОРОВА

(Истинное происшествие)

Забыв давно про колбасу
И по жратве вздыхая тайно,
Фашисты встретили в лесу
Буренку пегую случайно.
Поднялся крик: «Лови, держи!
Хватай за хвост! Рога вяжи!»
Однако хитрая корова
Бежит целехонька, здорова . . .
Нашла на едоков напасть,

Никак в корову не попасть,
 Уходит мясо, что за шутки!
 Вдруг выстрелы из-за кустов,
 Один едок, другой «готов»...
 Стремглав фашистские желудки
 Пустились прочь, подальше от греха,
 Свои спасая потроха...
 Корова же бойцам сказала:
 «Наволновалась я немало,
 Спасибо, братцы. Мне — не след
 Попасть к фашистам на обед...»

ГИТЛЕР И ЛЮДОЕД

Однажды Гитлер, встретив людоеда,
 Ему сказал:
 «Хоть ты и стар, и сед,
 Какой ты, к чорту, людоед!
 Ты съел на всем веку три сотни
 человек,
 И то каких-нибудь калек...
 А я сожрал почти что всю Европу
 И всюду суд чинить
 поставил по холопу...»
 — Не торопись, — ответил людоед, —
 Скажу тебе я, между нами,
 О будущем твоём скорбя:

То — завтрак был, а будет и обед
По праздничной программе,
Когда съедят тебя
Со всеми потрохами.

ГИТЛЕР И СМЕРТЬ

У смерти Гитлер раз спросил:
«Мне ты совсем не по нутру,
Но все ж, скажи мне, смерть,
Ужели я помру.
В расцвете сил,
Не покорив земную твердь?»
Косу о камень поточив,
Сказала смерть:
— Хоть ты, злодей, ретив,
Но иссякает сила,
Немало я твоих убийц
Своей косою покосила...
Болит рука, едва хожу,
Но все ж без дела не лежу:
Пожалуй, до седьмого пота
Придется нынче поработать...
Признаюсь искренне: хочу
Твою прикончить саранчу. —
«А я, — взревел Адольф, —
мне умирать не след,

Родился я для власти и побед,
Ты пожалей мои мечи.
Что я — один, без саранчи?»
— Молчи, —
Сказала смерть, —
Хлопот с тобой не оберешься:
Твои бандиты — мой обед,
А ты — на сладкое придешься.

ФЕЛЬЕТОНЫ В СТИХАХ

«ПРУССКИХ РУССКИЕ БИВАЛИ»

(Фриц и фрицы)

I

Жил король немецкий Фриц,
Тошей был сродни вороне.
Он сидел на прусском троне, —
Свора чванная тупиц
Возглашала: «Грозный Фриц!
Кто его хоть пальцем тронет,
Тот падет немедля ниц!»
Но пришлось им убедиться,
Как мы крепко вздули Фрица,
Фриц на ножки поднажал, —
С поля битвы прочь бежал,
Только шляпу мы застали...
«Прусских русские
бивали!»

II

В восемнадцатом году
Со штыком в худом заду

Фриц-прусак, бандит Вильгельма,
Выкатив в испуге бельма,
Своровав кусок холстины,
Прочь бежал из Украины,
И бандитов на ходу
Лихо конники рубали. . .
«Прусских русские
бивали!».

III

По-суворовски, со славой,
Вновь стремительною лавой
На равнинах и в горах
Превращаем фрицев в прах,
Чтобы полчища злодеев
Все костями у нас легли,
Чтобы ветер прах развеял,
Черный прах с лица земли. . .
Фрицев рвут на части мины,
Рвет их логова снаряд, —
Оживает взгляд орлиный,
Полководца мудрый взгляд,
Будто не на пьедестале —
В битве, рядом, вновь жива
В треуголке молодая
И седая голова. . .
Пусть же в натиске Суворов
Хватку чувствует свою,
Тот же русский крепкий норов
И стремительность в бою!

Снова в битве мы узнали,
Как звенят его слова
Звоном доброй русской стали:
«Прусских русские
бивали!»

ТРИДЦАТЬ ТРИ НЕМЦА
И ОДНА МИНА

I

Шла война через границы,
Аппетит у немцев рос. . .
Шли в Париж повеселиться,
Легкой жизнью насладиться
И лакать коньяк вчасос,
Запивая гром побед:
Десять Гансов,
Двадцать Фрицев,
Курт, и Отто, и Альфред.

II

Крали, жрали, пировали:
«Не война, а рай земной!»
Услужали им Лавали,
В фатерланд посылки слали,
Летом, осенью, весной, —
Посылали всем привет:
Десять Гансов,
Двадцать Фрицев,
Курт, и Отто, и Альфред.

III

Но однажды им сказали:
«Вам от фюрера поклон», —
На Восточный фронт призывали,
«Гох!» — кричали на вокзале,
Погрузились в эшелон...
Побледнели, спору нет:
Десять Гансов,
Двадцать Фрицев,
Курт, и Отто, и Альфред.

IV

Грохот битвы над полями...
Побывав разок в бою
И на дно забившись в яме,
Воры делятся с ворами —
Вспоминают жизнь в раю
И парижский свой обед:
Десять Гансов,
Двадцать Фрицев,
Курт, и Отто, и Альфред.

V

«Свищут русские снаряды,
Жизнь у нас — крошечный ад,
Можно лопнуть от досады,
Жизни мы своей не рады», —

Так, усевшись в ряд, строчат
В адрес Эльз и Генриетт:
Десять Гансов,
Двадцать Фрицев,
Курт, и Отто, и Альфред.

VI

Наконец пришла минута:
Наша мина их нашла,
Поступила с ними круто,—
И погибли смертью лютой
Вместе с кучей барахла,
Оставляя грязный след:
Десять Гансов,
Двадцать Фрицев,
Курт, и Отто, и Альфред. . .

«ДРАЙ ПЕТУХ» и МОКРАЯ КУРИЦА

Немецкие мародеры бродят по деревням и кричат: «Драй петух!» (три петуха), что означает: «Сдавайте птицу».

(Из газет.)

На грабеж отменно скоры,
Наострив и глаз и слух,
Ходят, бродят мародеры
С грозным воплем: «Драй петух!»

Видно — стало немцам тошно,
Видно — в брюхе трескотня:
«Драй петух!» — орут истошно
Возле каждого плетня...

Но на окрик петушиный
Партизан ответ готов,
И по черепу дубиной
Получает птицелов.

В брюхе — пусто, одиноко,
И под сердцем холодит,
«Драй петух» в мгновенье ока
Мокрой курицей глядит...

БАЛЛАДА О РУССКОМ ПОМЕЩИКЕ

Фон-Штукке — один из кровавейших
псов,

Души в нем сам фюрер не чает.
Явился фон-Штукке на фюрера зов,
Именье из рук получает.

Фон-Штукке две ночи проводит в мечтах,
Не спится ему на перине:
Мечтает фон-Штукке о зланных местах,
О жирной, степной Украине...

Приехал «помещик» в дорожной пыли,
С охраною ходит дозором,
На дом с мезонином, на поле вдали
Глядит торжествующим взором...

Хороший кусочек разбойнику дан,
Но сердце в груди замирает:
«Скажите, а как тут насчет партизан?» —
«Барон! Их у нас не бывает!»

— Врешь! — тут же нещадным огнем из
куста

Рассыпалась «трель» автомата,
— Врешь! — свистнула дальняя пуля
с моста,

— Врешь! — воздух рванула гранага...

Вверх брюхом фон-Штукке на солнце
лежит,

Он в небо уставился взглядом,
Суровое пламя над домом дрожит,
Два трупа валяются рядом...

* * *

А фюрер, узнав о «подарке» таком.
Свой клок в иступленьи терзает,
И жмутся «помещики» в страхе кругом:
«Ах! Где партизан не бывает?!»

У ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРА

Адольф над сводкою сидел оперативной
(Довольно препротивной)

И бормотал:

«Ну, погоди, мерзавец Буш,¹

Тебя бы в ставку залучить мою,

Устроил я б тебя в раю

Средь генеральских прочих душ... .

Но сделать не могу укуса...

Ах, старая злодейка, Русса!

Разгрома там не миновать... .»

На карту поглядел:

Вот — Полисть, вот — Ловать,

Вот — Ильмень-озеро седое...

Вдруг вылупил глаза он:

что такое?

Пред ним — не Ильмень,

озеро Чудское...

И крестоносцев черно-белый стяг...

Псов-рыцарей по льду тяжелый шаг

И русской рати наступленье...

Немецкой кровью мечена тропа...

В муку крошатся немцев черепа...

Треск льда, тяжелых тел паденье...

Адольф завыл, кляня орду свою,

В далеком, северном краю...

¹ Командующий 16-й немецкой армией на Северо-западном фронте.

Пришел не зря в такое он волненье:
 Был предок бит на озере Чудском
 С зари студеной до густых потемок, —
 Стальным раздавлен будет кулаком
 На Ильмень-озере псов-рыцарей
 потомок...

И снова древний русский лед
 Бойцом в историю войдет...

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА ФРИЦЕВ

I

Пишут Гансу из Берлина:
 «Злой понос схватила Минна —
 Русским бомбам нет числа,
 Всю бумагу извела».
 Пишет Ганс: «О, муттер, фатер,
 Пресвятая божья матерь!
 Ох, и здесь от русских бомб
 Я зарылся в землю лбом!»

II

Пишет Фрицу из Штутгарта
 Дорогая фрау Марта:
 «Ты чего же, Фрицхен, ждешь,
 Нам посылочек не шлешь?»

Пишет Фриц: «Вчера в траншее
Дали крепко нам по шее,
Мне не вылезти на свет,
Вам посылков больше нет!»

III

Пишет Лотта жениху:
«Было жарко наверху,
Ночь в подвале просидела —
Совершенно поседела!»
Настрочил жених той Лотты:
«Мне б иметь твои заботы!
Сколько дней уже подряд
Жду, когда влетит снаряд!»

IV

Тетя Рита из Тильзита
Пишет: «Я совсем разбита, —
Геббельс русских разгромил,
Кто же город наш бомбил?!»
Отвечают этой тете:
«Если, тетя, вы не врете,
Разбомбили ваш завод, —
Очевидно, Геббельс врет!»

V

Пишет братец из Варшавы:
«Ужасаетесь не зря вы, —
Русский был налет вчера,

Вместо фабрики — дыра!»
 Отвечает братец братцу:
 «Мне до вас уж не добраться —
 Русский штык в сраженьи лютой,
 Все мы кости сложим тут!»

VI

Взвыли Лотты, взвыли Фрицы,
 Вой идет из-за границы.
 Догадались: «Вот-те-на!
 Начинается война!»
 Душит немцев страх и злоба,
 Хороша пошла учеба,
 Их учить не языком —
 Пулей, бомбой и штыком!

ТОЧНЫЙ ПЕРЕВОД

Русский наш язык —
 простой,
 Сочный, точный и
 крутой:
 Он из трех нерусских слов
 Сделать вмиг одно готов:
 «Недич, Квислинг и
 Лаваль» —
 А по-русски просто —
 «шваль».

ШЕСТЬ ЗАКЛИНАНИЙ

1

«Блицкрига не было верней.
Я в семьдесят коротких дней
Клянусь нагнать на русских страх
И разгромить их в пух и прах».

2

«Падет мне в руки Ленинград,
Устрою в сентябре парад.
Я дам в «Астории» банкет.
Сильнее немца зверя нет!»

3

«Нельзя сражаться на жаре,
Поход закончу в октябре...
На диво миру наяву
На танке въеду я в Москву»

4

«Последний в ноябре поход.
Теперь Москва уж не уйдет,
Ударит гром по всей земле,
Когда усядусь я в Кремле».

5

«Какой мороз?! О боже мой!
Но что поделаешь с зимой...
Заиндевел весь горизонт,
Я только выпрямляю фронт».

6

«Весной покажем мы удар.
Он будет лют, он будет яр.
Клянусь творенья первым днем,
Всю армию мы в плен возьмем!»

* * *

Как ни клянись, ни завывай,
Как сроков ты ни назначай
Наш срок назначен: в славный год
Живым убийца не уйдет!

ВЕСНА В ЛЕСУ

Весна...

Сосна...

Опушка...

А на сосне сидит

кукушка, —

Кукует раз,

Потом другой
И — падает вниз головой...
Не зря кукушка пала
 ниц:
Кукушку эту звали
 «фриц».

10 ЗАПОВЕДЕЙ НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА

1. Зверь-ариец,
 не зевай, —
Неарийца убивай.
2. Немец, запасись ножом,
Занимайся грабежом.
3. Пожелай другому зла, —
В день воруй по три узла.
4. Жги что можешь,
 жги дотла,
Убивай из-за угла.
5. Чти топор, и плеть, и нож,
Будь на хищника похож.
6. Будь примерный людоед —
Не сочтешь своих побед.
7. Немцу стесняться нечего —
Режь, стреляй с утра до вечера,
8. Грабь, воруй умело, скоро,

- Помни клятву мародера.
9. Насильник, убийца и вор на войне —
Почетней нет званья
в германской стране!
10. Для полноты арийской
Звериной души —
Души.

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

1

Мужу Фрицу из Берлина
Письмецо прислала Минна:
«Снилось мне, что муженек
Узелочек приволок —
Тьму вещей из Ленинграда.
Буду туфлям очень рада,
Только б не были узки.
Постарайся взять чулки,
Обязательно цветные,
Грабь, — жену свою любя, —
И смотри, чтобы другие
Не обштопали тебя.
Ждут подарков Эмма, Гильда,
Уго, Гуго и Матильда...
Не забудь же, муженек,
Завяжи-ка узелок!»

День, другой в боях проходит...
 Штаб полка — в лесу густом.
 перевязанный бинтом,
 На допрос Фриц пленный входит
 И глядит по-волчьи вбок...
 Фрицу срочно в санотряде
 Завязали узелок,
 Чтобы он, порядка ради,
 Не забыл о Ленинграде...

ПРОВЕРКА НА МЕСТЕ

Однажды оружейный мастер
 Среди других немаловажных дел
 В одной стрелковой части
 Отрегулировал оптический прицел
 И думает: «Где б испытать работу,
 Винтовка точно ль хороша.
 Большую чувствую охоту
 Спокойно, с толком, не спеша,
 В такой удачный день
 Всадить заряд в далекую мишень,
 Чтоб убедиться лично...»
 Вдруг немца вдалеке заметил он как раз,
 Прицелился и снял его тотчас:
 Ремонт был сделан на «отлично»,
 С чем, мастер, поздравляю вас!

БОГАТЫЙ ОБЕД

Генерал фон-дер Цанн
Был известный гурман.
Обладая большим аппетитом,
Заказал он обед, —
Там чего только нет,
Вплоть до устриц с далекого Крита...
Он салфетку берет,
Раскрывает он рот.
Первый миг — щекотание нервов;
«Не пора ль пировать,
Ах, с чего же начать,
Уж не с датской ли банки консервов?
Кильку съем я сперва...»
Потянулся едва,
Как вдруг вспомнил про острые
стружки...
Взгляд в дышленка метнул,
В гуся вилку воткнул,
Он бы съел черногорской ватрушки...
Но ведь в яствах сокрыт
Сербский злой динамит...
«Нет, возьму-ка я устрицу с Крита!»
Но закуска молчит,
Сердце в страхе стучит,
Злой тревогою сердце убито...
Что же съесть на обед?
Вдруг он слышит — в ответ
Из Нормандии окорок милый

Шепчет: «Съешь-ка меня —
Среди белого дня
Сдохнешь ты от зловредной бациллы.
Не уйдешь от беды,
Бойся всякой еды
Саботаж — это наша победа!».

* * *

Генерал фон-дер Цанн
Был известный гурман,
Но остался в тот день без обеда...

ОСТРАЯ ЗАКУСКА

Господин майор фон-Хаген
Как-то в штабе между дел
Рыбки острой захотел.
Взял консервы «Копенгаген», —
Марка датская на них.
На решенья скор и лих,
Банку мигом он вскрывает,
Содержимое глотает.
Рыбка чересчур остра, —
Он не дожил до утра.
Был удар задуман чисто:
Стружка даром не прошла,
Так рука антифашиста
В гроб фон-Хагена свела.

«ЛЮБОВЬ ДО ГРОБА»

(Финско-немецкий роман в письмах)

«Гитлер наградил финляндского
президента Рюти золотым крестом».

(Из газет)

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Гитлер — Рюти

Дорогой мой друг Суоми.
Сердце — в сладостной истоме,
Мы с тобою — на подъеме,
Час решительный настал:
Глянь ты влево, глянь ты вправо, —
Ждет тебя большая слава,
Слава, честь и капитал.
Ненаглядная Суоми,
Ты расширишься в объеме,
Будешь жить в просторном доме —
Завоюешь весь Урал.
Весь, с горами и с лесами,
С недрами, и с небесами, —
Удивит мир чудесами
Маннергейм — твой генерал.
Я ж прошу в обмен крупичу:
Небольшую горсть землицы,
От границы до границы —
Ненаглядную страну.
Да солдат подай «на мясо»,

Да муки твоей запасы,
Что сложила на весну,
Да зерно подай до крошки,
Да последний куль картошки,
Лес, бумагу, рыбу, дичь,
Пару ножниц, чтобы стричь
Всех овечек догола, —
Вот и все мои дела.
Да... Забыл еще про трубки,
Соски, бритвы, полушубки,
Медный лом по всей стране
Все отдай, голуба, мне...
Я тебя целую в губки,
Верь, счастливой будет доля.

Твой, в тылу и на войне —
неизменный друг *Адоля*.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Рюти — Гитлеру

Дорогой мой! Все забрали.
Верьте, друг мой, что едва ли
Вы отыщете в углу
Даже старую метлу.
В вашу честь мы порадели:
Догола народ раздели,
Тем не менее опять
Будем снова раздевать

В отпущенье всех грехов
 До последних потрохов.
 Мы за честь побыть в передней
 Оторвем кусок последний
 От детей и матерей —
 И погрузим вам скорей.
 За снаряды, за обоймы
 Шлем остатки на убой мы,
 Мы прикажем: стариков
 Понабрать пять-шесть полков,
 Взять младенцов в оборот —
 Сколотить до сотни рот.
 Лето ль, осень ли, весна —
 Но немецкая утроба
 Будет доверху полна.
 Мы согласны в этом оба:
 Вам зерно, им — пуля в лоб,
 Прикажете — вгоним в гроб!
 Не забудьте, что в уюте
 Хочет жить —

слуга ваш — *Рюти*

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Гитлер — Рюти

Мой друг! Ты сделал шаг вперед:
 Ты вновь сумел раздеть народ.
 За все кресты, что ставишь в поле,
 Прими на память от Адоли

Ты крестик золотой на грудь,—
При всем при этом не забудь
Еще своих прижать немножко:
Не сохранилась ли картошка?
Будь полноправный властелин,
Смотри под стол, ищи повсюду,
Найдешь кусок — гони в Берлин!
Коль сам найду — шутить не буду!!
Веди себя, как надлежит слуге...

Хозяин твой — А. Г.

Телеграмма

Рюти — Гитлеру

И крест надел. Народ раздел. Трещим **и** швам. Нам будет худо. Спасти нас может только чудо. Бьем воробьев и журавлей. Когда не станет силы жать,

Скажите, как, куда бежать.
Боюсь я упустить момент.

Холоп ваш — *Рюти, президент.*

ФЕЛЬЕТОНЫ В ПРОЗЕ

РЫБЬЯ КОСТОЧКА

(Сказка)

Пошел весной окаянный немец-захватчик по чужому городу бродить, понаставил своих солдат с пушками всюду видимо-невидимо, чтобы тамошний народ замордовать, значит, окончательно, чтобы ему, немцу окаянному, послушание оказывал и всякое почтение.

Идет захватчик по чужой земле, в чужом городе, одной рукой в кармане за пистолет держится, другой — плеткой помахивает, и вдруг чувствует, что ему, немцу, жрать охота. Заходит в трактир заграничный, свежую рыбу спрашивает. Подают ему рыбу прямохонько из самого синего моря, на сковородке рыба лежит, в масле шипит, жабрами шевелит. Свежая-пресвежая.

Побоялся захватчик первым рыбу сглотнуть, вызвал шеф-повара на пробу. Явился шеф-повар, съел кусочек — хороша рыбка.

Сглотнул тогда немец-захватчик всю порцию. Впилась ему рыба колючей костью в горло.

Бросился немец в больницу-лечебницу. Всех докторов в белых халатах сзывает, говорить не может, только знаками показывает, что, дескать, повесит всю медицину здешнюю, ежели кости из горла не вытащат.

Полезли медики в горло немецкое с инструментами — с ножами, с иглками, со щипцами,—ничего не выходит: гнутся ножи острые, ломаются иглы тонкие, соскакивают щипцы цепкие, не желают кости рыбьей из немецкого горла вытаскивать. Взревел тут немец, своего доктора немецкого вытребовал. Пока прибежал доктор-немец, окошел захватчик в больнице-лечебнице. Задушила его рыба косточка.

Захотели медики вызвать траурный автомобиль, чтобы свезти дохлого немца в гостиницу. Только подскочили к телефону, а он, телефон, как брякнет об пол, — звонок и трубка вдребезги, — не желает аппарат действовать.

Послали курьера пешего. Приехала машина, погрузила немца, в путь тронулась, едет, гудит зловещим голосом, дескать так и так, везу тело немецкое поганое.

Услыхала автомобильная шина, кого везет, и с треском лопнула. Остановился автомобиль, чиниться стал. Толпа собралась. Испугались немцы, охрану вызвали с пушками да с пуле-

метами. Солдаты на руках поволокли мертвого немца в гостиницу.

Гроб принесли роскошный. Золотым позументом обшитый. Положили немца в гроб, поставили на лафет пушечный и — на кладбище. Вдруг по дороге, ни с того, ни с сего, вздыбился гроб, встал торчком. Позумент в клочья, доски разъехались, шлепнулся дохлый немец мордой на асфальт.

Подняли его немцы, в полотно наскоро зашили, а полотно по швам треснуло. Тогда принесли ящик снарядный, немецкий, впихнули туда кое-как немца, поставили на броневик, свезли на кладбище, в могилу опустили.

Дрогнула земля, огнем вспыхнула, да как выбросит тело поганое наверх, прямо немцам в руки.

— Не желаю,— говорит,— пададь хранить немецкую, везите его к себе в логово, хороните, где хотите, хоть рядом с фюрером. А покуда фюрер ваш еще хорохорится, приглядите ему местечко хорошее.

Сомкнулась плотно чужая земля. Схватили немцы мертвое тело и на корабль свой военный погрузили.

Поплыл мертвый немец по морю к себе в логово. И покуда шел корабль по волнам чужой земли, бились волны о борт, как бешеные, и ветер свистал пронзительно:

«Вон отсюда!»

СКАЗКА ПРО СОРОЧИЙ ХВОСТ

(Совместно с О. М. Руссом)

Жила-была сорока, летала не низко, не высоко, махнула хвостом, очутилась в лесу густом. Села на пенек червяков поискать. Бежала мимо мышь.

— Как? — удивилась сорока. — Тебя еще не съели?

— За что же меня есть?! — воскликнула мышь и присела со страху на задние лапки.

— Ты разве ничего не слыхала? Прет сюда сила несметная, и пешая, и лешая, и конная. Идет, орет, мышей жрет. . .

Пискнула мышь и со всех ног помчалась на болото к лягушке. Сидела лягушка на болотной кочке и мух ловила. Увидела: бежит мышь, а на мыши лица нет.

— Что с тобой, племянница? — спрашивает лягушка.

— Беда, тетя квакушка! Прет на нас сила несметная, тысяча пеших, тысяча леших, из пушек палят, мышей и лягушек едят! . . . Сорока сама видела. . .

Шлепнулась лягушка в болото, ударилась о корягу и взвизгнула лягушечьим голосом:

— Батюшки!! Никак подводная лодка?!
Спасайся, кто может!!!

Поскакала лягушка в лес... Скачет, холодным потом обливается. Увидала лягушку ворона и кричит:

— Эй, постой, куда скачешь?

— Ой, не спрашивай, еле ноги унесла...

Прет на нас сила несметная, сто тысяч пеших, сто тысяч леших, на подводных лодках сидят, из пушек палят, лягушек и ворон едят! Сорока сама видела...

Уцепилась ворона за ветку, — на голову ей шишки посыпались.

— Кар... кар... караул! Бомбят!! — завопила ворона истошным вороньим голосом и полетела в глубь леса. Только свернула на просеку, на сову наскочила. От удара обе птицы на траву свалились...

— Ты что ж летишь, сломя голову, встречных с ног сбиваешь?! — заухала сова.

— Ох, совушка, я сама с ног сбилась...

Прет на нас сила несметная, миллион пеших, миллион леших, на моторах сидят, ворон и сов бомбят. сорока сама видела...

— Что же мы тут расселись? — всполошилась сова. — Давай полетим подальше, я тут одно хорошее дупло присмотрела.

Полетели птицы в чащу лесную, а навстречу им заяц скачет. Задрал голову и кричит:

— Вы куда, тетеньки?

— Беги, косою! — загалдели птицы. — Прет на нас сила несметная, туча пеших, туча ле-

ших, из пушек палят, ворон, сов и зайцев едят... Сорока сама видела...

Похолодел заяц от страха и кинулся в ближайший куст. Глянь, а куст зашевелился и говорит человеческим голосом:

— Ты чего, дурак, испугался?!

Сидит заяц, трясется, «папа», «мама» вымолвить не может, только лапами разводит... Насилу разглядел, что перед ним не куст, а боец в секрете... Отдышался заяц и говорит:

— Как же мне не пугаться, когда прет на нас сила несметная, пешая, лешая, туча крошечная... Из пушек в лягушек палят, кого встретят — едят, а зайцев живьем лопают! !.

— Эх ты, заячья душа! — усмехнулся боец. — Кто это тебе все насказал?

— Сова с вороной от сороки слышали, а та сама видела...

— Ах сорока! Вот мы ее сейчас разыщем и спросим...

Услыхала сорока, что ее ищут, вспорхнула и полетела над лесом бреющим полетом. Вскинул боец винтовку, прицелился и выстрелил. Кувыркнулась сорока и шлепнулась на землю... Подошел боец поближе, поднял убитую сороку за хвост, глянь — а хвост у нее со свастикой.

Сороке крышка, а сказке — конец.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

(Совместно с Ол. Риссом)

Чиновник расового бюро в Берлине Петер Фосс удостоился приглашения на новогодний ужин к начальнику отдела по измерению арийских носов. Среди сослуживцев задолго до торжества ходили соблазнительные слухи, что на ужин будет настоящий жареный гусь. Правда, в последний момент выяснилось, что гусь заменяется вороньим рагу со свежими еловыми шишками.

За час до наступления Нового года Фосс оделся и вышел на улицу. Не успел он завернуть за угол, как от стены отделились две мрачных фигуры с кружкой для сбора «Зимней помощи».

«Ну, на этот раз меньше чем маркой не отделаешься», — с тоской подумал чиновник и полез за кошельком. Вдруг один из подошедших схватил его за рукав пальто и с видом внаатока произнес:

— Ого, теплое!

— О да, оно служит мне шестнадцатый год, — с гордостью подтвердил Фосс.

— Вполне достаточно, — воскликнула вторая фигура. — Раздевайтесь!

Фосс обомлел. «Неужели это грабители?» — подумал он, холодея от страха.

— Караул! Полиция! — сорвалось с его дрожащих уст.

— Замолчать! Мы и есть полиция, — свистящим шопотом ответил один из незнакомцев.

— А ну, Фриц, дай ему разочек, чтобы он поторопился сдать теплые вещи, — посоветовал второй.

Получив удар под ложечку, чиновник расового бюро быстро вспомнил приказ Гитлера о сдаче населением теплых вещей под угрозой казни. Он стал поспешно раздеваться, как будто уже чувствовал на своей шее холодное прикосновение топора палача.

Когда процедура добровольной сдачи была окончена, один из сборщиков дал сдатчику прощальный пинок и сказал:

— Ну, ступай! А за то, что посмел сопротивляться представителям власти, ты должен сто раз крикнуть «Хайль Гитлер!»

Вскоре случайные прохожие оказались свидетелями необычайного зрелища: по улице бежал человек в одном нижнем белье и, придерживая тесемки кальсон, хриплым, петушиным голосом выкрикивал через равные промежутки времени: «Хайль Гитлер!»

Квартирная хозяйка, открывшая дверь своему жильцу, в ужасе всплеснула руками:

— Какое несчастье, герр Фосс?! Вас ограбили под Новый год?!

— Вы ошибаетесь, фрау Марта. Я только выполнил свой арийский долг и по призыву фюрера добровольно сдал для армии свои теплые вещи!

И, гордо (подтянув кальсоны, чиновник рабового бюро проследовал в свою комнату.

ГОРДОСТЬ АРИЙСКОЙ РАСЫ

(Совместно с Ол. Руссом)

Гельмут Шнапс, новая звезда на немецком спортивном небосклоне и самый краснощекий мужчина в Берлине, получил приглашение ошастливить своим посещением фронт под Ленинградом. Его приятель, лейтенант Зуппе, писал, что своим приездом гордость арийской расы поможет утереть нос нытикам и маловебрам, утверждающим, что в германском тылу не осталось бодрых и толстых людей.

На маленькой станции, дальше которой поезд не шел, белокурый гигант весом в девяносто шесть кило присоединился к маршевой роте сравнительно неплохо сохранившихся инвалидов. Не успели они пройти и километра, как послышалось мощное гуденье советских самолетов.

Девяносто шесть кило живого веса проворно растянулись на снегу. Оглушенный грохотом разрывов и беспорядочной пальбой зениток,

Шнапс лежал до тех пор, пока его не поднял бесцеремонный пинок.

Когда Гельмут Шнапс выпрямился во весь свой могучий рост, стоявший перед ним щупленький лейтенант заржал от восторга.

— Вот это здорово! Впервые вижу, чтобы присылали такое прекрасное пополнение!

— Позвольте, — пробовал объяснить Шнапс, но офицер не дал ему договорить:

— Никаких разговоров! Я беру тебя в свою роту.

Дальнейшие события развернулись с кинематографической быстротой. В тот же вечер вновь прибывший был водворен в сырую и темную землянку, где его донимали загадочные насекомые, терзавшие его благородное арийское тело.

Ночь он проторчал на морозе в карауле, и наутро его чудесный арийский нос превратился в мерзлую картошку. Когда Шнапс вернулся в землянку, оказалось, что солдаты съели его обед. В следующие дни он лежал в окопе, прижимаясь к земле от советских мин, советских танков и снарядов.

Прошло три недели пребывания Шнапса на Ленинградском фронте. Однажды, когда гордость арийской расы, спотыкаясь и почесываясь, брела из полковой кухни, на дороге показалась быстроходная штабная машина.

— Зуше?! Наконец-то я вас нашел! — вне

себя от радости завопил Шнапс, бросаясь и проливая из котелка мутную гороховую жижгу, лишнюю ложку которой ему с трудом удалось выпросить у несговорчивого повара.

Сидевший за рулем обер-лейтенант затормозил и с удивлением посмотрел на тощего оборванца.

— Кто это?— спросил сидевший рядом майор.

— Понятия не имею. Должно быть, из нового пополнения. Мало ли какую шваль присылают нам из тыла...

Гельмут Шнапс пытался развить скорость и догнать машину, но на десятом шагу предательская одышка заставила его остановиться. Махнув рукой, гордость арийской расы, увешанная гороховыми сосульками, с мрачным видом поплелась в землянку...

ГОСПОДА СОЮЗНИКИ

В конце августа в ставке Гитлера произошло очередное свидание Гитлера и Муссолини. Попробуем описать его в кратких чертах.

— Это — друг? Это называется друг?

— А что? В чем дело?

— Можно сказать, из кожи вон лезу, почти всю итальянскую армию в плен загнал в Африке, а ты уж и куска подкинуть не хочешь?

— А кто тебе, жадина, Хорватию дал?

— Ах, ты, прохвост, мошенник бессовестный: сначала обобрал ее вплоть до детских сосок, а потом мне подбросил? Пользуйся, мол... А что осталось на разживу? Старый осел Анте Павелич? Тыфу... А где хлеб? А где масло? А где мясо?

— Ишь, чего захотел! Может, курятинки прикажете подать? Заткнись, дурашка несчастный! У тебя-то от всей красоты остались одни петушинные перья, вставленные в офицерскую шляпу.

— А тебе перо вставили на Востоке — и не в шляпу, а...

— Ну, ну, помалкивай, сказано тебе «стоять на стреме», — ты и стой.

— Давай Грецию, тогда буду стоять...

— Не дам. Самому жрать охота. Бери маслины, если хочешь.

— И возьму. Я не гордый.

— Только помни: маслины наши — косточки ваши!

— Эх, будь у меня настоящая армия и не в плену, а под руками, я б тебе показал «косточки», Наполеон наизнанку!

— От «Цезаря» слышу...

В ставке наступает зловещее молчание, прерываемое легким подвыванием фюрера. Наконец, хозяин вновь обретает дар речи:

— Завтра же наберешь с десятков дивизий и бросишь их на Восточный фронт. Слышишь?

— Но... у меня же нет свободных солдат. Все мои люди или убиты, или в плену, или ранены.

Бенито Муссолини яростно сопит и возвращает белками.

Фюрер багровеет:

— Ничего, ничего, не такое время, чтобы в постелях отлеживаться. Поставь своих итальяшек на ноги, сунь им в руки наши автоматы и — на вокзал!

— А кто же их кормить будет? Вчера последнее кило черных макарон съели!

— Что за нежности! А кто моих кормит? Сами находят.

— Сравнил: твои и мои солдаты. Мой солдат нежен, хрупок, он не то что противника, он цыпленка боится. И вдруг — пожалуйста: кормись сам, веди атаку на какого-нибудь петуха, окружай его и все прочее... Да если попадется толковый, свирепый петух, так мой солдат ему же сам в плен сдастся! Уж я-то моих сукиных детей знаю!..

Муссолини безнадежно махнул рукой и умолк. Доказательства на фюрера не действовали. Гитлер уже лихорадочно строчил текст гайного соглашения о поставке Германии нескольких тысяч тонн свежего итальянского пушечного мяса. Свое было на исходе.

ЗАГОТОВКА АРИЙЦЕВ

Гитлер вызвал к себе заведывающего «Государственным расовым бюро» и с пеной у рта набросился на него:

— Для чего вы существуете, чорт побери?!

— Для у-улучшения германской арийской расы господ,— нетвердо ответил растерявшийся расовик.

— А знаете ли вы, что мне доносят из оккупированных стран Европы?

Гитлер выхватил из папки несколько бумажек.

— Вот. . . Рядовой сто сорок девятого пехотного полка Эрих Кромм в Афинах готовится вступить в связь с подозрительной южанкой темных кровей. . . Или вот — рядовой Ганс Кушке, двести пятьдесят шестого пехотного полка, в Амстердаме сошелся с полуцыганкой и даже. . . влюбился в нее. Неслыханно! Что это означает? Это означает гибель арийской расы. Вы понимаете, старый арийский осел, — ги-бель!!!

Расовый осел, видимо, понял фюрера, так как, не смея раскрыть рта, усиленно закивал головой. Фюрер мимоходом заглянул в зеркало, поправил свисающий клочок и, выпив залпом стакан простокваши (он был строгим вегетарианцем), завопил:

— Восьмой год день и ночь я любовно выращиваю высокоценное чистокровное племя немецких мародеров, грабителей и убийц. Я закрываю университеты; я жгу книги, я делаю все, что в моих силах, чтобы не отвлекать моих арийцев от их прямых обязанностей, но через двадцать лет, в 1961 году, что ждет нас? Что ждет Германию?! Вместо двадцатилетних золотоволосых убийц, вместо юных великолепных душителей и насильников с безукоризненным носом и подбородком, мы получим, чего доброго, племя культурных ублюдков?! Отвечайте!

Завбюро тщетно старался обуздать свои зубы, четко выбивавшие барабанную дробь. Впрочем, фюрер, не дождавшись ответа, продолжал голосом «воющей бомбы»:

— Приказываю: завтра же организовать по всей Германии сеть брачных пунктов. Я открываю невиданную страницу в истории германской промышленности — производство чистокровных, густопсовых арийцев в государственном масштабе. Через двадцать лет мы получим высокосортное арийское пушечное мясо. Установить норму: один чистокровный отец на двадцать матерей и — никаких нежностей, никаких имен и фамилий. Руководствоваться последним справочником коннозаводства: Номер. Кличка. Возраст. Масть. Наименование родителей и — точка. Например: № 1895, «Медно-

лобий» Жеребед. Однолетка, светлосоломенной масти. От Ганса и Матильды. Все! Чтoб завтра же все цехи приступили к работе! Ступайте!

Потрясенный расовик поклонился и вышел.

А в эти исторические часы наивный сержант Отто Шпук-Ферботен, прибывший на побывку из оккупированной Франции, сидел на садовой скамейке и шептал своей Шарлотте нахальные, неслыханные слова:

— Их либе дих. (Я люблю тебя.)

Несчастный и не подозревал, что его Шарлотта — уже не Шарлотта, а агрегат № 1976/15 брачного пункта 2057/А города Берлина.

НА ПЕРРОНЕ

К перрону скромного вокзала в пригороде Берлина медленно подходит санитарный поезд.

— Ну, в чем дело? Чего рты разинули? — орет полицейский на большую группу любопытных. — Пришел поезд, обыкновенный поезд. А ну, разойдись!

— А кого это выносят на носилках?

— Кого, кого? Германских туристов. Далеко были, заболели лихорадкой, временно ходить не могут. Вот и несут их. А ну, разойдись!

— Неужели столько туристов заболело лихорадкой?

— Ну, не все здесь туристы, есть и футболисты. На состязаниях их маленько повредили: кому челюсть свернули, кому ногу. Вот и выносят их, значит, на носилках. . . А ну, разойдись!

— Десять вагонов раненых футболистов? Однако! . .

— Ну, не все здесь, конечно, футболисты, тут есть и прохожие, попавшие под автомобиль на дороге. Опять же кто руки повредил, кто ногу, кто голову. Ну и привезли их в столицу лечить. . . А ну, разойдись!

— Подумайте: пять вагонов пострадавших прохожих!

— Ну, не все тут прохожие. Есть кое-кто раненый с Восточного фрон. . . А ну, разойдись, немецким языком вам говорят, в гестапо захотели, что ли? Пошли вон!!

Церфон живо пустеет. . .

ЗВАНЫЙ ВЕЧЕР С ДОБРОВОЛЬЦАМИ

В одном из ресторанов Берлина был накрыт роскошный стол на сорок персон. Вечером из Будапешта прибывал первый отряд венгерских добровольцев в количестве тридцати человек во главе с полковником, как было указано в телеграмме.

Десять представителей высшего командова-

ния собирались чувствовать бесстрашных добровольцев.

После краткого обмена приветствиями и небольшой дружеской беседы добровольцы и генералы уселись за стол.

Не успели гости прикончить первое блюдо, как одному из генералов пришла в голову довольно заурядная идея: посмотреть на часы. Увы! Их у него не оказалось.

Шокированный генерал обратился к соседу. Но сосед тщетно шарил у себя под сюртуком. Его прекрасные золотые часы, добытые им в одном из разгромленных магазинов в Латвии, исчезли также бесследно.

Один генерал-майор, догадавшись в чем дело, проворно схватился за карман. И не напрасно: его бумажник исчез...

Сидящий в центре стола генерал-лейтенант Эрстен фон-Дриттен обратил внимание на таинственное исчезновение серебряных столовых приборов. Но что это?? Генерал-лейтенант в ужасе схватился за голову, потом крепко ущипнул себя за локоть, потом протер очки и снова нацепил их на нос: ему показалось, что скатерть медленно движется справа налево и сползает со стола вместе с находящимися на ней продуктами и сервизом. Генерал не выдержал. Шатаясь, он вышел из-за стола, сославшись на нездоровье...

Понемногу один за другим генералы выле-

зали из-за стола и, сосредоточившись в соседней комнате, стали шептаться.

— В чем дело, господа? Какая наглость! Кто-то из воров орудуёт здесь же, в зале, в такой момент. Это опытный мазурик. Это великолесная воровская работа.

И вдруг один из генералов, довольно долго живший в Венгрии, хлопнул себя в лоб.

— Позвольте, господа, ведь начальник отряда — полковник?

— Полковник.

— Ну, теперь мне все ясно. Я все время приглядывался к его физиономии, где-то я уже его видел. Это же не настоящий полковник. Это же уголовная кличка «Полковник» — король воров Западной Европы!..

— А... а остальные?

— Остальные, видно, опытные рецидивисты.

Генерал-лейтенант Эрстен фон-Дриттен переменялся в лице:

— Какой же я болван! Я совершенно забыл, что первый отряд из добровольцев набран из венгерских уголовников, их надо бы сразу в казармы, а мы этим прохвостам прием закатали. Надо кончить эту комедию, пока с нас не стянули сапоги...

И господа генералы, скрежеща зубами от ярости, уселись в машину и укатили домой.

Вечер был безнадежно испорчен.

АВТОМОТОГРАБИТЕЛИ

(Съместно с Ол. Руссом)

Шестой грабительский автмотополк на полном газу вкатил в покинутое жителями местечко Н. Лейтенант приказал группе солдат срочно выяснить обстановку. Мотобанда развернулась в боевом порядке и рассыпалась по домам и дворам.

Через полчаса перед лейтенантом предстал старшина мотобанды бравый унтер-офицер Отто Оппель.

— Ну, как обстановка?

— Подходящая... Кресел плюшевых мягких — двенадцать, столов обеденных — шесть, диван — один, кушеток — четыре, тумбочек ночных — девять, из огнестрельного оружия захвачено семь самоваров, девять примусов и одна ножная швейная машина. Кроме того, из предметов снаряжения обнаружено: халатов купальных — четыре, дамских ночных рубашек — полторы дюжины, дневных — одна дюжина, чулок дамских шелковых со стрелкой... — бойко отрапортовал Отто Оппель.

Лейтенант поморщился:

— Я, кажется, ясно приказывал вам прежде всего беречь время. А вы что сделали?

— Так точно, господин лейтенант, берегли золотое время: золотых часов браслетных —

шесть пар, карманных — шестнадцать, башенных с боем — одна пара. Все время сбережено в полной сохранности.

— Немедленно представить! — приказал лейтенант.

Автомотограбители очень неохотно стали вытаскивать часы из глубинных карманов брюк.

Лейтенант взял милovidные дамские часики и любовно подбросил часы на ладони:

— Прелестная вещица, — мечтательно вздохнул он и... опустил часы в карман.

Вдруг его внимание привлек диван с варварски обрубленными ножками.

— Что случилось? — грозно спросил лейтенант.

— Да ничего особенного: оказал сопротивление при выяснении обстановки — не хотел лезть в окно, как было приказано, вот ноги ему и подрубили.

Лейтенант нахмурился:

— Все сложить на крыльце, ждать моих распоряжений.

Лейтенант любовно погладил спинку плюшевого дивана-калеки и зашагал в штабной буфет освежиться.

Не успел лейтенант скрыться за поворотом, как из соседнего переулочка выкатилась роскошная броневая автомашина с прицепом командира шестого грабительского автомотополка.

Полковник, сразу оценив обстановку, резко

затормозил у крыльца и приказал грузить все вещи на бронированную платформу-багажник.

— Есть! — гаркнула вся мотобанда и, чертыхаясь в душе, принялась перетаскивать всю обстановку в багажник.

Когда все было кончено и последнее кресло улеглось на дно платформы, бронемашина, обдав мотобанду тучей пыли, помчалась вон из местечка.

Прибежавший на шум автомобиля лейтенант застал всю группу мотограбителей в унынии.

— Где? Где обстановка? — в бешенстве крикнул лейтенант.

— Выяснена, учтена и вывезена полностью, — отрапортовал унтер-офицер.

Лейтенанту захотелось немедленно как-то проявить себя. Он оглянулся и, увидев зазевавшегося петуха, молниеносным движением свернул несчастному шею. . .

ГОСПОДА ОЧЕВИДЦЫ

Министр пропаганды, тощий фашистский ублюдок Геббельс оглядел собравшихся фотографов, взлез на подставку, чтобы казаться выше ростом, и сказал:

— Вам, господа очевидцы, предстоит трудная оперативная работа. Надо буквально в

двадцать четыре часа увидеть и описать большевистские зверства в советских районах. Я не должен вам объяснять, что вы должны взять глаза в руки и своими руками при помощи фотоаппарата проделать все, что требуется. Прежде, десятки и сотни трупов меня не интересуют. Я начинаю считать от тысячи и выше. Срочно разбейтесь по секциям. Вот вы, господин Пифке, займетесь уничтожением детей, вы, господин Пферде фон-Шмерцен, займетесь зарезанными в Литве ксендзами, а вас, господин Эзель, я бы хотел видеть создающим серию снимков немецких скальпов, снятых русскими. Ну, ступайте. Товару много, есть чем позаняться. Помните, что завтра же я должен объявить миру о зверствах большевиков!

Господа очевидцы поклонились и срочно приступили к работе. Немецкая аккуратность вошла в поговорку: ровно через двадцать четыре часа фотографы поднесли своему шефу серию изящных фотоальбомов со зверствами.

Геббельс раскрыл наугад один из них. Автор альбома, старший фотограф гестапо господин Пферде фон-Шмерцен, почтительно вытянув шею, стоял за спиной министра.

— Так, так, недурно, очень убедительно, — бормотал Геббельс, перелистывая страницы. Вдруг его обезьянье лицо исказилось гримасой. — Что это, что это такое?! — И ми-

нистр ткнул толстым пальцем в один из центральных снимков альбома.

Под снимком стояла подпись на чистейшем немецком языке: «Концлагерь Дахау. Застреленные при попытке к бегству».

Геббельс изо всех силенок треснул незадачливого очевидца альбомом по голове. Через час господин Пферде фон-Шмерцен уже ехал в концлагерь Дахау.

На этот раз — без аппарата.

ПОЛКОВОДЦЫ ПРИШЛИ...

(Совместно с Ол. Руссом)

Гитлер сидел в своем кабинете и скучал. Вошел чиновник для особых поручений и почтительно доложил:

— Пришли...

— Зови! — приказал Гитлер и приосанился.

Дверь отворилась. На пороге появился Александр Македонский. За ним, с мрачным видом, заложив руку за борт сюртука, вошел Наполеон. Послышался хриплый лай, и в комнату вбежал третий гость. Это был песьяр в латах и в наморднике.

Когда все приглашенные уселись, хозяин обратился к ним с такими словами:

— Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам неприятное известие.

— Что вас бьет русская армия? — усмехнулся Наполеон.

— А вы откуда знаете? — удивился Гитлер.

— Не все же читают только ваши сводки, — уклончиво ответил великий полководец.

— Ну, раз это больше не военная тайна, — со вздохом сказал Гитлер, — тогда давайте говорить на-чистоту, как великий с великими. Я слышал, что вы не знали поражений, — обратился он к Александру Македонскому. — Хотите командовать моей армией?

Александр Македонский от неожиданности чуть не свалился со стула.

— Позвольте, милостивый государь, — воскликнул он возмущенно, — за кого вы меня принимаете? Ведь я как-никак историческая личность, а не бандит с большой дороги?!

Знаменитый грек широким жестом запахнул плащ-хитон и отвернулся к стене.

«Счастье твое, что ты — бессмертный герой, а то бы из тебя в гестапо в два счета душу вынули», — в сердцах подумал Гитлер и, постаравшись придать себе любезный вид, обратился к Наполеону:

— Ну, а вы, герр Бонапарт, не хотите ли участвовать в моем предприятии?

— В дутых делах не участвую, — грубо отрезал Наполеон и нахлобучил треуголку.

Возмущенный таким нахальным поведением гостя, Гитлер приказал псу-рыцарю немедленно обляять императора. Пес кое-как твякнул два раза и жалобно заскулил.

— Ты чего? — грозно спросил хозяин.

Пес-рыцарь снял шлем и показал собравшимся глубокую впадину в черепе, поросшую редким волосом.

— Что это у вас? — заинтересовались полководцы.

— Неприятное происшествие на льду Чудского озера. Один русский аус Новгород саданул меня оглоблей. Почти семьсот лет прошло, а все еще побаливает. Вот как били!

— Это просто здорово! — с профессиональным восхищением заметил Александр.

— М-да... Чистая работа, — согласился Наполеон.

— Нашел время вспоминать, — прошипел Гитлер на ухо своему битому предку. Воцарилось неловкое молчание.

— Ну-с, пойдёмте, Александр Филиппович, — сказал Наполеон. — Нам в этом доме делать больше нечего.

И полководцы величественной походкой удалились в историю.

В кабинете остались Гитлер и пес-рыцарь, свернувшийся клубком у ног хозяина. За окном надрывалось лживое берлинское радио...

ПРОКЛЯТАЯ ЗАБЫВЧИВОСТЬ

(Совместно с Ол. Риссом)

Устам младенцев глаголет истина.

(Древняя мудрость)

Барон Маннергейм готовился к отъезду в армию. За окном нетерпеливо гудел немецкий бронированный автомобиль. Генерал хватал первые попавшиеся под руку вещи и поспешно швырял их в чемодан. Когда чемодан доверху наполнился генеральским барахлом, Маннергейм с трудом разогнул поясницу и мучительно потер лоб.

— Ты что-нибудь забыл, Густав? — нежно проворковала баронесса.

— Ммм... — промычал в ответ Маннергейм.

Баронесса выплыла из комнаты и через минуту вернулась с ночными туфлями.

— Не то, — сказал генерал и досадливо отмахнулся.

— Может быть ты забыл расческу для усов? — неуверенно спросила баронесса.

Барон ничего не ответил и тупо уставился в окно.

— Грелку?... Зубную щетку?... Мыльницу?... — не унималась баронесса.

— Отстань! — рявкнул Маннергейм и почесал себе затылок. Это было для него признаком высшего умственного напряжения.

— Может быть, ты забыл коньяк, папа? —

сказал вошедший сын, по походке которого было видно, что на этот счет он отличался превосходной памятью.

Генерал молча потер лысину и продолжал думать. Веселой стайкой вбежали малолетние Маннергеймовы внуки.

— Тише, вы! — прикрикнула на них баронесса. — Вы видите, дедушка думает, он что-то забыл.

— Носовой платок? Салфетку? Шпоры? — наперебой закричали внуки.

— А я знаю! — весело воскликнул самый младший.

Лицо деда просветлело. Все семейство уставилось на догадливого внука.

— Ты забыл, как в сороковом году тебя побил Красная Армия!

Генерал побагровел.

— Выпороть! — заорал он истошным голо-
сом, схватил чемодан и опрометью бросился
к автомобилю...

СКАЗ ПРО ФАШИСТСКОГО «БЫЧКА»

(В германском штабе)

— Надо срочно подбросить в Россию парочку свежих дивизий.

— А где их взять?!

— Ну, возьмите хотя бы в Югославии.

- А как быть с югославскими партизанами?
- Перебросьте дивизию-другую из Греции.
- А как же быть с греками?
- Хм... Ну что ж... Перебросьте на худой конец одну дивизию из Норвегии.
- А норвежцы?
- Ах, да... В Норвегию перебросьте парочку полков из Бельгии...
- А бельгийцы?
- Бельгийцам дадим дивизию из... из... хотя бы из Югославии.
- А как же с Югославией?
- Перебросьте из Греции.
- А Гре...?
- Подкиньте из Норвегии.
- А Но...
- Никаких «но»! Ступайте вон!

СЛОВО — ТРОФЕЯМ

В одну из мартовских ночей 1942 года на складе немецкого трофейного имущества в городе Н. произошло удивительное событие.

Трофеи обрели дар речи.

— Кто бы мог подумать, — захохотало тяжелое дальнобойное орудие, — что я, родное ди-

тя знаменитой «тетушки Берты», которая еще в 1916 году обстреливала Париж, я окажусь в далеком северном городе на русском военном складе, а не на позициях немецкой армии!

— А мы, а мы! — завизжали две противотанковые пушки. — Ну, честное слово, не успели прибыть с эшелоном из Франции, как прямо с марша — в бой. И на-те вам: не сделали ни одного выстрела, как уже в плену, уже трофеи!

— Ну и дела, — пропищал шустрый мотоцикл. — На мне сидел сильно подмороженный испанец из ихней «Голубой дивизии». Испанец по дороге в снег свалился, а я уже сам доехал до плена...

— Подумаешь, «трофей»! плюгавый мотоциклишко! И тоже разговаривает, — пробасил огромный штабной автобус без задней части, лежащий на боку. — Вот я действительно трофей! И все это красная конница! Никто не ожидал от этих русских кавалеристов такого прорыва в наш глубокий тыл. Наша штабная компания пьянствовала, как обычно, в штабе, а я стоял себе в гараже и даже не был заправлен. А рядом со мной — генеральский «Мерседес». И вдруг, представьте себе, раздается оглушительное русское «ура», один снаряд накрывает штаб, другой — гараж, остальное — понятно.

— Говорят, что генерал-полковник успел удрать. . .

— В «Мерседесе»? — ехидно спросил испанский мотоцикл.

— Нет, в кальсонах! — грубо обрезал штабной автобус.

— Майн Готт, — тяжело залязгал гусеницами фашистский танк, — если нас столько набралось только на одном складе, так что же творится на всем Восточном фронте? Вы знаете, что это значит?

Трофеи не успели ответить, как ключ в замке повернулся и за дверью раздались веселые голоса красноармейцев.

Трофеи погрузили на платформы и отправили на фронт бить своих бывших хозяев.

«ПОСТАВЩИКИ»

Под ружейным, пулеметным, минометным и орудийным огнем Красной Армии пушечное мясо Германии исчезает с небывалой быстротой.

За недостатком пушечного мяса в самой Германии, это мясо обязаны поставлять холопы Гитлера. И вот, из конца в конец оккупированной Европы разъезжают подручные обер-мясника — фюрера.

Диалог первый

ВЕНГРИЯ

Торговый дом «Адмирал Хорти и Компания»

— А я к вам, адмирал: прямо от фюрера.

— Какое счастье! Как здоровье фюрера?

— Да как бы вам сказать... наши победы не дают ему покоя, то есть до того радуют, до того выводят его из себя, что не остается ни минутки для сна. А в общем самочувствие великолепное: огромный, волчий аппетит: пятьдесят эшелонов на завтрак, сто — на обед и не менее семидесяти пяти — на ужин.

— Ну что ж, очень хорошо. Пусть кушает на здоровье. Приятного аппетита. Что может быть лучше свежего немецкого эшелона из Пруссии или из Южной Германии?

— Или, скажем, из Венгрии. Что может быть лучше доброго десятка бочек старого дунайского венгерского...

— Что? Вина? С удовольствием!

— Не вина, а душечного мяса. Десяток эшелонов!

— Ну что вы, ваше превосходительство. Ну какие же у нас эшелоны?!

— А знаете, какой мне сегодня ночью сон приснился?

— Сон?

— Вот именно: снится мне, что оттапали у вас румыны обратно Северную Трансильванию. Была — и вся вышла. То есть ушла обратно в Румынию.

— Что за нелепость. Чепуха какая!

— Не говорите, иной сон бывает в руку... В руку фюрера. Все — в его руке: захочет — вам Трансильванию оставит. Захочет — румынам отдаст.

— Типун вам на язык, ваше превосходительство!

— Так как же насчет эшелончиков? Может, надумаете?

— Разве что подумаю... Хотя зачем это мы с вами время даром теряем, когда буквально рядом — не страна, а сплошное пушечное мясо, пакуй себе в вагоны и отправляй на Восток. Что может быть лучше сотни отборных румынских...

— Ну, довольно миндальничать. Я тебе немецким языком говорю: по приказу фюрера гони к понедельнику десять эшелонов — и никаких гвоздей. Да, кстати, насчет вина тоже не забудь.

— Ваше превосходительство... Ваше!.. Ушел, дверью хлопнул и ушел!..

Адмирал Хорти отправляется на заготовку венгерского пушечного мяса, а подручный фюрера катит в Румынию.

Итак — Румыния...

Диалог второй

РУМЫНИЯ

Мясная фирма «Братья Антонеску»

Стук в дверь. За дверью пиликанье скрипки. Заунывный, душещипательный романс.

— Кто там?

— Именем фюрера, откройте!

— А, ваше превосходительство! Сколько лет, сколько зим! Впрочем, что же это я? Вы же у нас были на прошлой неделе?!

— А вы что? Музицируете? На скрипке упражняетесь?

— Да, приходится. Во-первых, как вам известно, румыны прежде всего — скрипачи, а потом уже вояки, а, во-вторых, все может случиться: сегодня я Антонеску старший, премьер-министр, а завтра, если погонят вон, я могу в любом ресторане успех иметь. (Играет на скрипке.)

— А ну-ка, отложите скрипку. Есть дела поважнее. Знаете, какой я сон видел?

— Какой?

— Будто вы оттяпали обратно у Венгрии Трансильванию плюс еще пять областей.

— Да ну? Вот это сон!

— Вот, вот... И что будто сто отборнейших румынских эшелонов вы снова отправили на Восточный фронт.

— Вот это действительно сон так сон: ничего общего с действительностью!..

— А вы подумайте. Что может быть лучше сотни великолепных румынских эшелонов?

— Есть лучше. Знаю. Сотня венгерских эшелонов.

— Ваше превосходительство. По совести скажу: если венгры захотят, они завсегда нам морду набьют. Румына венгру в беге не догнать. Это — точно. А уж если врукопашную, то венгры нам вмажут, ну, честное же слово, вмажут. Мой совет — поезжайте в Венгрию!

— Послушай, старый баран... Гони к четвергу пятьдесят эшелонов, если не хочешь завтра же играть в ресторане. Давай мясо, пока тебя честью просят!

— Помилуйте, где же его взять? Ваше превосходительство... Ваше!.. уехал... хлопнул дверью. Опрокинул стул и уехал... Господи, до чего же я расстроился. Сыграть, что ли, с горя на скрипке? (Играет нечто душераздирающее.)

Диалог третий

Ф И Н Л Я Н Д И Я

В мясной лавке барона Маннергейма

(Стук. Старческий кашель за дверью.)

— Кто там?

— Это я, барон... Из Берлина.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— А что же у вас лавка на запоре? Не торгуете?

— А чем торговать, ваше превосходительство, вы же сами за год, хе-хе, все почистили.

— Пущечное мясо есть?

— Ни взводика!

— Ну, эти штучки вы бросьте! Удивляюсь я: семьдесят пять лет вам, барон, этой весной стукнуло, а держите себя как малое дитя. Кого обмануть хотите? Фю-ре-ра?!

— Да я ли не старался! Всю Финляндию фюреру продал, со всеми моими финнами, с мелкой салакой, с мерзлой картошкой, даже с еловой корой...

— Счастье ваше, что вы, как-никак, барон, и я с вами вежливо разговариваю, а то бы вы у меня иначе запели!

— Ваше превосходительство, верьте мне, старику. Ни черта у меня больше нет, торговать нечем, от моих финнов одни кости да ножа остались!

— Ну, вот и отлично: гони кости, гони кожу. Глядишь, эшелончик и получится. Все пригодится: нет пушечного мяса — гони такое, нет такого — гони пушечное. Урал, небось, хочешь?

— Ой, хочу, ваше превосходительство!

— Ну хотя, хотя. А эшелонов десять к пятнице приготовь. Слышишь?

— Ну, как не слышать! Чай, не глухой. А только я вам советую на юг податься, в Италию, к дуче Муссолини. . . Что может быть лучше загорелых итальянских эшелонов из Ломбардии?! А? У них и жратвы много: лежат себе, черти, на солнце и едят эти, как их макароны. . . Впрочем, что я? Итальянские макароны вы же сами съели. Ну, все-таки солнце у них. Можно хотя бы на солнышке погреться. А у нас с чего мясу взяться? Климат — никудышный, а еда — одни еловые шишки. . . Впрочем, что я? Шишки же я сам вчера в Германию отправил. . . на топливо.

— Ну, ну! Разболтался, старик! Без тебя знаю, куда мне ехать. Помни: в пятницу грузи твоих тощих финнов на Восточный фронт!

— Будьте покойны. Раз приказано — погрузим. Ушел. Ну, можно запирать лавочку. Больше притти некому.

ИТАЛИЯ

Мясокомбинат «Дуче». Владелец — Бенито Муссолини

— А я к вам опять, дуче.

— Прощу, прощу. Все здесь к вашим услугам: море, солнце, воздух...

— Эшелоны...

— Я говорю: море, воздух, солнце...

— А я говорю — эшелоны.

— Откуда же, ваше превосходительство?!

Вы же прекрасно знаете, что все мои эшелоны — в плену. Кто где, кто — в Англии, кто — в России...

— Поищите еще полсотни, дуче...

— И почему это вы все ко мне обращаетесь? Когда буквально под боком — Венгрия, Румыния, чуть повыше — Финляндия.

— Слыхали, слыхали... а венгры очень итальянцев хвалят.

— Моих итальянцев? Не может быть! Ведь мой итальянец спит и видит, как бы в плен сдаться. Такой отчаянный народ эти итальянцы. Смысла нет из них эшелоны составлять: только до первой атаки. Уверяю вас, поезжайте в Венгрию! С нами только горя наберетесь.

— Хороший у вас дворец, дуче, и еда подходящая... Небось не на одних макаронах сидите.

— Да уж кое-как перебиваюсь, благодарение фюреру...

— Вот то-то и есть. Если хотите и дальше во дворце сидеть — гоните, так и быть, к субботе шестьдесят эшелонов, а там видно будет. Прощайте. (Звук автосигнала.)

— Уехал. Сел в «Мерседес» и уехал. А где мне эшелонов набрать? Еще один такой визит — и мне все равно крышка. Не с той, так с другой стороны. Кто-нибудь да погонит ко всем чертям...

Ш Р А П Н Е Л Ь

ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ

(Совместно с М. Дудиным)

I

**На заре советской власти,
В восемнадцатом году
Шли полки немецкой масти
Снять советскую звезду.**

**К нам шагали с точным планом,
Как разбить Советы в прах,
С флейтой шли и с барабаном,
При винтовках, при ремнях.**

**На заре советской власти,
В восемнадцатом году
Разевали немцы пасти,
Крали, жрали на ходу.**

Рожи — кровью налитые,
В цвет вареной колбасы.
У майоров — завитые
Острым кончиком усы,

Как у кайзера Вильгельма,
Сумасшедший мутный взгляд,
Растарщенные бельма
Рыбьим холодом горят.

Впереди — фон Битте-Дритте,
Он шагал навеселе,
Пил шампанское в корыте,
Обжирался на селе...

Но шагал навстречу ночи,
Крепок, жилист и суров,
Старый питерский рабочий,
Сталевар Иван Петров.

Вслед за ним из Петрограда
Шли на фронт во все концы
Красной Гвардии отряды,
Красной Армии бойцы.

В жаркой схватке рукопашной
Сталевар Иван Петров
Немца взял за потный гашник
И промолвил: «Будь здоров!»

И с другим майором рядом
На пригорке, на виду,
Уложил его прикладом
В восемнадцатом году.

II

Год прошел — и у Петрова
Родился сынишка Ким —
Вырос смелым и здоровым,
Загорелым, молодым.

Он вошел в родные стены,
Точно вылитый в отца, —
У заводского мартена
Встали рядом два бойца.

А в Берлине сын майора,
Тонкий, вылизанный фронт,
Не сводил с России взора —
Битте-Дритте, лейтенант.

И, беснуясь от азарта,
По ночам, в штабной тиши,
Над исчерченной картой
Он ломал карандаши...

День и ночь, склоня «раса»,
«Немцы», «фюрер» и «война»,
Дожидался Битте часа
За бутылкою вина...

Час настал. За танком следом,
Кровожаден и космат,
Битте ринулся к победам,
Нацепив свой автомат...

Снова грязные копыта
По Советской шли земле,
Шел со взводом Битте-Дритте,
С парабеллумом в чехле...

Он стихами душу тешил,
Пьяный женщин обнимал,
Стариков на липах вешал,
«Лейкой» вешаных снимал...

Но сошлись в сраженьи яром,
Как отцы, наперекор:
Сын Петрова-сталевара
С Битте встретился в упор.

И с отцовскою замашкой,
Крикнув немцу «Будь здоров!»,
Битте-Дритте взял за гашник
Ким Иванович Петров.

И с другим бандитом рядом
На пригорке, на виду,
Уложил его прикладом
В этом, в нынешнем году...

Скажем сволочи мы прусской:
— Получайте, раз пришли,
Два аршина нашей, русской,
Гневом вздыбленной земли!

ИТАЛЬЯНСКИЕ БЕГА

(Совместно с М. Дудиным)

В древнем городе Турине,
В магазине на витрине
Из обломков смотрит гордо
Поразительный портрет —
Сногшибательная морда
В шестьдесят, примерно, лет.

Вид спесивый, поза бога,
На плечах — золотая тога.
Нацепив венок лавровый,
Челюсть выпятив вперед,
Правнук «цезарей» суровый
Озирает свой народ.

Но народу — не до дуче:
Мчатся тучи, вьются тучи,
Надрываются сирены,
Воют в рупор голоса,

С треском лопаются стены,
Дым и пламя — в небеса!

В древнем городе Турине,
Мимо дуче на витрине,
Через улицы в пожаре,
В горы, рощи и луга
Мчится публика... В разгаре —
Итальянские бега...

Патефоны не дослушав,
Макароны не докушав,
Дел последних не доделав,
Положив бегам почин,
Буйным скопом оготело
Лихо драпает Турин...

Мчатся галки и вороны,
Мчит начальник обороны,
И пожарники сигают
В страхе задом наперед.
Только дуче озирает
Свой стремительный народ...

Под английским бомбо-градом
Весь Турин промчал парадом,
Первой порции отведав,
Показав большую прыть,
Позабыл он за «победы»
Дуче поблагодарить...

Мчатся тучи, вьются тучи...
Где же сам роскошный дуче?
В положении престранном
В Риме сам оригинал
В кабинете под диваном
«Смысл истории» познал.

Близок акт последний пьесы,
Хоть торчат везде ээсы,
И гестаповцев пикеты —
Треснет Рим и вкривь и вкось, —
И останутся портреты
Да — поломанная «ось».

КАК ПРУССАК ПОПАЛ ВПРОСАК

(Совместно с М. Дудиным)

Роберт Клош своей невесте
Написал: «Я очень рад —
Завтра с дядей Фрицем вместе
Вступим в город Сталинград.

Не забуду я подругу:
Вышлю завтра поутру
И белугу, и севрюгу.
И зернистую икру».

Вот и «завтра» наступило,
Выполз Роберт на обед —
Миной Роберта хватило.
Слег на месяц в лазарет.

Но окончен срок недолгий,
Возвращаться в полк пора...
Не видать Роберту Волги,
Слышно русское «ура!» —

Дрожь холодного испуга
Пробирает до нутра...
Где ж севрюга, где белуга,
Где зернистая икра?!

Роберт Клопп сидит у печки
И строчит Мари в Дармштадт:
«Не сердись, моя овечка,
Не сдастся Сталинград!»

Воют волки в прусской шкуре,
Вышибают немцев вон:
В ставке бьет посуду фюрер:
Роберт драпает на Дон...

По-над Доном хлещет вьюга,
Стынут немцы на ветру,
Роберт воет, как белуга,
Мечет похода «икру»...

Дали жару мы пруссакам, —
Заработав пулю в лоб,
На Дону достался ракам
На закуску Роберт Клош.

Там и встретился ворюга
Грозной, зимнею порой
И с белугой, и с севрюгой,
И с зернистою икрой. . .

ФРИЦ В МЕШКЕ

(Совместно с М. Дудиным)

I

Фриц добрел до Сталинграда,
Весь в поту, едва дыша, —
Золотым просторам рада
Окаянная душа. . .

Он окинул мутным взором
Степь на запад и восток,
За широким косогором
Приглядел себе кусок.

День проходит, вечер тает.
Опростав тугой живот,

Фриц рыгает и мечтает,
Как он дальше заживет:

«Заведу себе угодья, —
В целом округе один,
Буду «ваше благородье»,
Чистокровный господин,

На свое богатство глядя,
Привезу к себе гостей.
Мюллер-тетю, Мюллер-дядю.
Мюллер-фрау и детей. . .

Выйду в поле в полдень ясный,
А меня уже зовет
Пивоваренный, колбасный
И сосисочный завод. . .»

II

Грохот — спереди и сзади. . .
Окруженный в январе,
И без тети и без дяди
Фриц сидит в своей норе,

Пыл пропал, мечта убита,
Фриц клянет злосчастный рок,
Гложет конские копыта . . .
И сосет бараний рог. . .

Привалило фрицу счастье:
То ли крыса, то ли крот!!!
Двадцать две немецких части
Жадно смотрят фрицу в рот.

А мешок затянут туго,
Грусть-тоска спирает грудь:
Давят с севера и с юга,
Ни пролезть, ни продохнуть!

И напрасно из Берлина
Утешенье фюрер шлет:
«Заготовил солонину,
Высылаю самолет,

Благодарны, немцы, будьте!
Не пеняйте на судьбу —
Завтра я на парашюте
Вам спущу «Мою борьбу»!!»

.
Свищут пули над равниной,
Перерезаны пути —
Самолета с солониной
Фрицам в небе не найти. . .

Трудно стало без обеда,
Нехватает больше сил,
Фриц у спящего соседа
Обе пятки откусил. . .

А мешок — все уже, уже,
День и ночь гудит земля, —
Фрица стягивает ту же
Смертоносная петля. . .

ФЕЛЬДМАРШАЛ ПОДНИМАЕТ РУКИ. . .

(Совместно с М. Дудиным)

К Сталинграду, вал за валом,
Шли с проектом в голове
Двадцать с лишним генералов
И фельдмаршал во главе. . .

А за ним — солдаты, тычась
В землю мордою тупой, —
Ровным счетом триста тысяч
К Волге шли на водопой. . .

Сам фельдмаршал кофе допил
«Штурмовать даю приказ!
Прогрохочет по Европе
Слава грозная о нас!!»

Грохот пушек, дым привалов,
Ждут, усевшись на траве,
Двадцать с лишним генералов
И фельдмаршал во главе. . .

Зря, чихая едкой пылью,
Генеральские штабы
Напрягают все усилия,
В нетерпении морщат лбы...

Дни летят, бегут недели,
Переносится парад...
План — блестящий, но на деле
Не сдаётся Сталинград!

Фюрер всех грозитя высечь,
Мечет молнии вдали:
«Чтоб к субботе триста тысяч
В город с музыкой вошли!!»

И, боясь крутых скандалов,
Почесали в голове
Двадцать с лишним генералов
И фельдмаршал во главе...

Завопили благим матом
Окружённые в норе,
Получили ультиматум
И — отвергли в январе...

С каждым днём все злей и уже
У фельдмаршала лицо,
С каждым днём все туже, туже
Вкруг фельдмаршала кольцо...

Вместо торта и окрошки
И других приличных блюд
Для фельдмаршала из кошки
Отбивные подают...

Руки подняли устало,
С тайным трепетом в груди
Двадцать с лишним генералов
И фельдмаршал впереди.

ДРАП НАХ ВЕСТ...

Давно ли, ноздри раздувая,
Почуяв острый дух Баку,
Катилась с воем волчья стая
На Юг, к каспийскому песку?

Давно ли рупоры орали,
Маня берлинского осла:
«Будь счастлив, Фриц!
Кавказ забрал!»
И нефть в бидоны потекла»...

Ещё носы берлинских дурней
Тянулись жадно на Восток,
Когда январской ночью бурной
Бандитов вышвырнул Моздок...

Ещё чеканили медали
В честь предположенных побед,
Когда всей стаей драпа дали,
Обмазав кровью волчий след.

Но вдрызг разбит под Сталинградом,
О драпе «фюрер» умолчал,
Кормил брехнею фрицев стадо,
О южном фронте не вещал...

Исчез Кавказ из вражьиx сводок:
Ни рек, ни городов, ни гор...
Так... вздох порой насчет погоды,
О стуже легкий разговор...

А между тем, в сраженьи яром,
Сквозь все метели и снега,
Удар обрушив за ударом,
На Север гнали мы врага.

Со стоном, с воем, с криком, с храпом,
В облаве взятая в штыки,
Катилась стая смертным драпом,
Теряя шкуры и клыки.

И вот, у Дона, наготове,
Собрав отборное зверье,
Ждал немец бешеный в Ростове
И выл неистово: «Мое!»

Вопил из ставки «фюрер» снова,
Стрелял приказом фрицам в лоб:
«Зарыться в улицы Ростова
И защищать любой сугроб!»

Орал напрасно бесноватый
И молнии в эфир метал:
«Ни с места! Хальт, мои зольдаты!
Ростов — последний капитал!»

Но вырвал город Малиновский
Из волчьих, ненавистных лап, —
И снова загремел чертовский,
Ростовский ошалелый драп...

Уже из Вязьмы прочь погнали,
Гром битвы грянул в небеса, —
От беспощадной русской стали
Мерзавцев гибнут корпуса...

В огне крошатся фрицев кости,
И стон и вой идет окрест,
Давно оставлен «Дранг нах Остен»,¹
Он превратился в... «Драп нах Вест».²

¹ Натиск на Восток.

² На Запад.

КАК НЕМЕЦКИЙ ГЕНЕРАЛ

БЕЗ УСТАВА ОТСТУПАЛ...

(Совместно с М. Дудиным)

Жил немецкий генерал
Точно по уставу.
Он в Европе воевал,
Даже нажил славу.
Был он жирен, был он рыж,
Проявлял «отвагу»,
Грабя Вену и Париж,
Амстердам и Прагу.

С боем взламывал замки
По уставу строго, —
Шли во Францию полки
По дороге в ногу.
Автоматная орда
С ходу, с жару, с пылу
В сроки брала города
С фронта или с тыла.

Был доволен генерал
Точностью «тотальной»,
Улыбался и сиял
Он улыбкой сальной.

Фриц покручивал усы,
Гладил пышный ворот,
Вынимал в бою часы —
И врывался в город.

Всю теорию считал
Против прусской вздорной,
Но... столкнулся генерал
С нами под Касторной.
Все уставы он прочел
С водкой да с закуской,
Все на свете он учел,
Кроме хватки русской!

Мы «поправили» устав,
Хороша поправка!
Бит со свастикой удав,
И завыла ставка...
Ждали немцы штурма в лоб,
Точки рассчитали,
Вдруг им с фланга вышел
гроб
Из огня и стали!

Был спесивым генерал
От похвал и лести,
Все на свете рассчитал,
Кроме нашей мести.
На учебу положил

Время и терпенье,
Все в параграфы вложил,
Кроме... отступленья!

В страхе кинул генерал
Донесенья на пол,
Все машины растерял
И пешком задропал.
Он искал приют в кустах
От кубанской лавы,
Бросив на пути устав,
Танки и составы...

Фриц открылся взорам весь,
Как тетрадь на парте:
Сбей ударом с фрица спесь,
Спутай немцу карты —
Справа ждет он?

Слева бей!

Слева ждет?

Бей справа!

Чтоб собрать не мог костей!

Русской сметки нет острей,
Русской хватке слава!

СТАВКА БАНДИТА ВИТА

(Обозрение в трех частях)

I

Шли на город генералы
В сорок первом в сентябре,
Жир струился по сусалам,
Отрыгали глотки салом,
Куры нежились в нутре...

Говорил воякам фюрер:
«Будет каждому букет,
Мы придём в грозе и буре,
В меховой разлягусь шкуре,
Дам в «Астории» банкет!

Надо вам поторопиться
И в столице погулять, —
По квартире выдам фрицам,
Чтобы было где напиться, —
Только б нам столицу взять!..»

«Гут,¹ — сказали, — это дело», —
И поперли на Восток...
Сам фон-Лееб престарелый
На разбой повел их смело,
И в пути слюной истёк...

¹ Хорошо.

Но под Пулковской горою,
Горы фрицев положив,
Он решил: дай землю взрою,
Блиндажи себе построю,
Потому как еле жив...

В ставку срочно — донесенье:
«Шли в атаку, били в лоб —
От снарядов нет спасенья,
Возникают опасенья,
Что при штурме будет гроб!».

Фюрер лает, фюрер воет,
Фюрер злобен, фюрер лют,
Фюрер мордой землю роет:
«Безобразие какое!
Ленинграда не сдают?!?!»

Убедился он воочью:
Нету к городу пути,
Днём и ночью, днём и ночью
Фрицев рвут снаряды в ключья —
Ни проехать, ни пройти!

Тут взревел Адольф: «Находка!
Есть костлявая рука —
Голод схватит их за глотку, —
Лишь почуют смерти плетку.
Кончат бой наверняка!

Объявляю я блокаду,
Замыкаю я кольцо —
Не пробиться Ленинграду!
Тридцать дней прожду я кряду,
Выйду в штабе на крыльцо.

И раскроются ворота,
Сдастся город Ленинград,
И войдет за ротой рота, —
В блеске марша и фокстрота
Закачу я свой парад!»

II

Месяц ждет, второй, десятый,
Шлет снаряды наугад:
«Город делает гранаты?
Пушки? Бомбы? Автоматы?
Жив?? Дерется Ленинград??!!»

Смерть метлой прогнав с порога,
Вражьей нечисти назло,
Пролегла по льду дорога
И всего везёт помногу:
Хлеб и мины и тепло...

А маньяк бомбит больницу,
В ясли грохает снаряд,
Но стреляет в морду фрицу,

Шлёт в убийцу пулю-птицу
Город-снайпер, Ленинград.

Где — букеты? Где — банкеты?
Хоть ложись, да помирай:
Ленинград, страной согретый,
Бьется зиму, бьется лето,
Отправляет фрицев в рай. . .

Генералы, словно блохи,
Скачут с жёсткого поста,
Фюрер в ставке топит вздохи,
От надежд остались крохи,
Дохнут фрицы «в три креста»...

Город крепнет и мужает,
За снарядом льет снаряд —
Фюрер лает и сажает,
Он приказы в ночь рожает —
Неприступен Ленинград!

Прут со света голодранцы,
Свозит фюрер разный сброд:
Позабыв про померанцы,
Лихо давят вшей испанцы,
И голландцы — в свой черёд.

В глотки льют эрзац из фляги,
Пишут «гретхенам» письмо,

Воют злобные бродяги:
«В том же мы сидим овраге,
Положение — дерьмо!»

III

Час пришел. Загрохотала
Рыком яростного льва,
Ощетинилась и встала,
В вихре жаркого металла
В битву ринулась Нева...

Ставка крупная бандита
Мощью русского огня
Бита, бита, бита, бита!!
Вскрыта, взорвана, разбита
«Неприступная» броня!!

Пусть сдыхают в злобе гады —
Шлиссельбург войсками взят!
Ставка бита! Нет блокады!
Фриц, беснуясь, шлёт снаряды,
В неприступный Ленинград!

Где — букеты? Где — банкеты?
Где — квартиры? Где — парад?
Только мёрзлых вшей пакеты,
Только дохлый фриц раздетый,
Что ходил на Ленинград...

Фюрер матом «в бога» кроет,
Всех начальников кость,
Морда вспухла, сердце ноет...
То как зверь бандит завоет,
То «заплачет, как дитя»...

ПРО СЕМЕЙКУ ШМИДТ

У папаши Карла Шмидта,
Фабриканта из Тильзита,
Было семеро бандитов,
Семь арийских сыновей,
Все — разбойничьих кровей.
Под Орлом от украинца
Получил взамен гостинца
Отто в брюхо плотный штык —
Был угроблен прусский бык.
От калмыцкого приклада
Курт подох у Сталинграда,
Из-за горца на Дону
С пулей Франц пошел ю дну.
Русский Гансу дал под Ржевом —
Своротил башку налево.
Съездил Гельмут на Кавказ.
Кабардинец — пулю в глаз.
А под Клетскою ойрот
Нож Роберту сунул в рот.

В Калаче от пашки острой
Фриц бежал с ордою пестрой.
Но нагнал его узбек —
Шашкой голову отсек.
Так бандитов Карла Шмидта
Наш народ кормил досыта,
Бил их с фланга, бил их в лоб
И загнал семейство в гроб.
Как ни рвутся гансы, фрицы
В землю на зиму зарыться, —
Наша пуля всех найдет,
Фриц от смерти не уйдет!

СРОКИ И УРОКИ

Фюрер выл, визжал, рычал,
Фюрер сроки назначал:
«Взять к седьмому Сталинград,
Закачу я в нем парад!»
Бесновался пес проклятый:
Срок шестой, восьмой, десятый —
Все он числа перебрал,
Генералов покарал, —
Мертвых фрицев пухнет груди...
«Что за дьявольское чудо?!»
Фюрер в бешенстве вопит,
Город крепостью стоит!

Дни бегут, летят недели —
Фюрер вздор в эфире мелет:
«Мы не знали, — вот-те на!
Перед городом — стена!
Не простая, земляная,
А железная, стальная!
Эту стену, так сказать,
Нам придется прогрызать».

Мы о сроках не болтали,
Но пришел наш час и срок —
Дали фюреру урок:
Сталинградская припарка
Греет крепко, греет жарко, —
В клещи огненные взят,
Заметался черный гад.
Сроки русские настали:
Он отведал русской стали,
Той, чье имя — Сталинград!

ЧАСТУШКИ КАВКАЗСКИЕ

За горючим фриц полез,
Повстречался с пашками:
Фрицу сделали разрез —
Вверх взлетел тормашками.

Думал немец: «Нальчик с пальчик,
Прикарманю живо Нальчик», —
Бит бандит на все лады —
Драпанул из Кабарды.

Рассуждал фашистский гусь:
«Я на Водах полечусь», —
Гусю вставили перо
Прочно, в самое нутро!

Фриц карабкался на горы —
Пулемёты наши скоры:
На заду с тех самых гор
Покатился немец-вор...

Взор ласкает вид кавказский,
Что ни место, то — гора:
Грудой — фрицы, грудой — каски,
Горы дохлого «добра»!

Лёжа в штабе на боку,
Немец думал о Баку, —
Штаб лежит на дне глубоком,
Немцу нефть выходит боком.

Фриц пленился горной высью,
Дали фрицу пулю в лоб —
На Кавказ он ехал рысью,
А обратно прёт в галоп!

ЗИМНИЕ ЧАСТУШКИ

Ох, ты, зимняя пора:
Где — мороз, а где — жара,
Муссолини от хлопот
И зимой бросает в пот...

В Рим с утра приходит сводка —
Начинается озноб:
Африканская погода
Дуче-суче вгонит в гроб.

Фриц под Ржевом-городком
На зиму залег сурком,
Спать мы фрицу не дали —
Фрицы пуль отведали.

Фюрер гансов шлёт из дому,
Одевает их в солому,
Но согреют их скорей
Залпы наших батарей.

Лаял фюрер на ходу:
«Сталинградцам накладу!»
Так он думал, так решил —
Только... в брюки наложил!

Офицер за бритву взялся,
Но побриться не успел:

На том свете добривался,
А на этом околед.

Воют фюрера друзья
Под окном у Каина;
Не укрыться холодам,
Если бьют хозяина!

Ты, мороз, сильней ударь,
Не бояться бури нам!
Мы в Европе на фонарь
Скоро вздёрнем фюрера.

Будет публики не счесть,
Вздрогнет перекладина,
Облетит народы весть:
Окозела гадина!

ВОЛГА, ВОЛГА...

(Частушки)

1

Волга, Волга, мать родная,
Волга, русская река,
Волга, сила боевая,
Тяжела твоя рука!

2

Похвалялись немцы долго,
 Дескать, нашей будет Волга, —
 Гансам — в зубы, фрицам — в зад,
 Будут помнить Сталинград!

3

Назначали фрицы сроки
 Для победы на Востоке —
 Сроков как ни назначай.
 Два аршина получай!

4

Генерал сидел в окопе,
 Пил с лимоном сладкий чай —
 Дали немцу мы по... морде
 — Битте-дритте, получай!

5

Генерал скулит в плену:
 — Окривела физия,
 На Дону пошла ко дну
 Вся моя дивизия!

6

Немец трупами мостил
 Волжскую дорожку,
 Русский немца угостил —
 Превратил в окрошку.

7

Офицер на берегу
Поднимает руки:
«В плен итти я не могу —
Я испортил брюки!»

8

Геббельс в комнате сидит,
Ладит перья новые.
Что-то нынче сочинит
Про дела дерьмовые?!

9

Как фашистский пес ни вой, —
Станешь мокрой курицей:
Будет праздник мировой
И на нашей улице!!

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВАСНИ

Гадание в Берлине	3
Эрзац и Кватц	4
Фюрер и солнце	5
Барон фон-Клук	6
Штык в брюхо	7
Берлинский чулак	8
Девять фашистов и одна корова	8
Гитлер и людоед	9
Гитлер и смерть	10

II. ФЕЛЬЕТОНЫ В СТИХАХ

«Прусских русские бивали»	12
Тридцать три немца и одна мина	14
«Драй петух» и мокрая курица	16

Баллада о прусском помещике	17
У Ильмень-озера	19
Полевая почта фрицев	20
Точный перевод	22
Шесть заклинаний	23
Весна в лесу	24
10 заповедей немецкого солдата	25
Узелок на память	26
Проверка на месте	27
Богатый обед	28
Острая закуска	29
«Любовь до гроба»	30

III. ФЕЛЬЕТОНЫ В ПРОЗЕ

Рыбья косточка	34
Сказка про сорочий хвост	37
Страшная ночь	40
Гордость арийской расы	42
Господа союзники	44
Заготовка арийцев	47
На перроне	49
Званный вечер с добровольцами	50
Автомоторабители	53
Господа очевидцы	55
Полководцы пришли	57
Проклятая забывчивость	60
Сказ про фашистского «бычка»	61
Слово трофеям	62
«Поставщики»	64

IV. ПРАПНЕЛЬ

Отды и сыновья	73
Итальянские бега	77
Как пруссак попал впросак	79
Фриц в мешке	81
Фельдмаршал поднимает руки	84
Драп нах вест	86
Как немецкий генерал без устава отступал	89
Ставка бандита бита	92
Про семейку Шмидт	97
Сроки и уроки	98
Частушки кавказские	99
Зимние частушки	101
Волга, Волга	102